

— Одиннадцать лет? Сколько жизней унёс твой нож?! — Бай Хаолинь снова был шокирован. Ранее он предполагал, что его «карьера» убийцы длится пять лет, но теперь оказалось, что он сильно недооценил его, а также значительно переоценил некомпетентность полиции!

— Двести восемнадцать человек. — Фань Гомао спокойно ответил, без тени гордости или хвастовства, словно говорил о самом обычном числе.

Бай Хаолинь вздрогнул:

— Двести восемнадцать человек... За одиннадцать лет столько людей пропало без вести, среди них были и высокопоставленные лица. Как полиция могла ничего не заметить?

— Вот почему так важны правила. Если строго следовать им, тебя никогда не поймают, более того, они даже не узнают о твоём существовании! — Фань Гомао был уверен в этом, ведь он сам был лучшим примером!

Его слова обрадовали Бай Хаолиня, так как было ясно, что Фань Гомао не собирается его убивать. Однако тот резко изменил тему:

— Но, Бай Хаолинь, ты отличаешься от меня. Тебе даже не нужно самому убивать, чтобы достичь совершенного преступления! Тебе не нужна даже такая комната! Бай Хаолинь, ты действительно слишком опасен!

Слушая его, Бай Хаолинь почувствовал, как его настроение падает. По тону Фань Гомао было понятно, что он считает его таким же опасным, как и Гэ Вэйхуа. Он не стал оправдываться, зная, что Фань Гомао, однажды приняв решение, никогда его не изменит. Лучше дожидаться, пока он выскажется, и только потом попытаться повлиять на него.

— Если бы я не знал тебя так хорошо, ты бы уже был мёртв. — сказал Фань Гомао.

Бай Хаолинь сразу понял, что с самого начала тот не планировал его убивать, а просто наблюдал за его внутренним миром.

— Так ты всё это время следил за мной, испытывал меня! — Бай Хаолинь с гневом прошипел, хотя в душе почувствовал облегчение. Однако он всё ещё не мог смириться с тем, что Фань Гомао и есть Полицейский-мститель. У него оставалось слишком много вопросов.

— Твоя совесть ещё жива, для убийцы это и преимущество, и недостаток. Мне нужна твоя доброта, но она может тебя погубить. — Фань Гомао пристально смотрел на Бай Хаолиня.

— Ха, ха-ха. — Бай Хаолинь вдруг рассмеялся. — Почему ты так уверен, что я стану таким же, как ты?! — Он уставился на Фань Гомао, глаза его горели.

Фань Гомао молчал, не отводя взгляда.

— Думаешь, раз я связан, у меня нет права торговаться? — Бай Хаолинь усмехнулся. — Доктор Фань, я всегда уважал тебя как судмедэксперта. Ты был хорошим специалистом, хоть и не любил много говорить. Я считал тебя честным человеком, но теперь вижу, что это была лишь твоя маска! Возможно, ты думаешь, что я не имею права тебя поучать! Да, я не сожалею о своих поступках, но в тот момент, когда ты снял маску, я растерялся. Ты мог бы добиться многого, почему же ты выбрал самосуд?! Например, Чжоу Чэнцзу! Ты ведь знал, что он — «серийный убийца Семи смертных грехов»? Но ты молчал! Чжоу Чэнцзу можно было передать полиции, но ты отпустил его!

Если раньше Бай Хаолинь вёл себя так, чтобы выжить, то сейчас он высказал свои истинные мысли — факт, что Фань Гомао и есть Полицейский-мститель, глубоко ранил его. Он также задумался: все ли, кого убил Фань Гомао, были злодеями, избежавшими правосудия? Не превратилась ли его справедливость, когда он отпускал преступников из рук полиции, чтобы самому их казнить, в нечто иное?

— Ты прав, я знал, что это дело рук Чжоу Чэнцзу, уже после второго убийства.

— Ты знал уже после второго убийства?! Как ты...? — Бай Хаолинь был поражён.

— Слюна. — Фань Гомао кратко ответил и продолжил:

— Я отпустил его, это факт. Лучше я сам покончу с ним, чем доверю ненадёжному суду!

— Если один человек может так легко решать судьбу другого, зачем тогда закон? Ты, как представитель закона, не защищал его, а самовольно вершил правосудие! — Бай Хаолинь говорил это, а Фань Гомао лишь усмехнулся, но не стал прерывать. — У каждого свои взгляды, каждый смотрит на вещи под своим углом. Ты не можешь быть уверен, что все 218 человек, которых ты убил, заслуживали смерти! Сколько из них могли бы понести заслуженное наказание! Но ты использовал свою должность, чтобы отпустить их, только чтобы самому их казнить! Только чтобы поддержать свою идею справедливости! Только чтобы заполнить пустоту и чувство вины, оставшиеся после смерти твоих жены и ребёнка!

— Ха-ха-ха! — Фань Гомао громко рассмеялся. — Ты говоришь всё это только потому, что боишься стать тем самым демоном, которого больше всего боишься и ненавидишь? Хорошо, хорошо! Держись за этот страх, он будет напоминать тебе, что делать, а что нет.

— Старина Фань, повторяю, я не стану твоим сообщником! Я сам искуплю свои грехи!

— Искупление? Мы все живём ради искупления, но одновременно совершаем новые грехи! — Фань Гомао усмехнулся. — Скажу тебе прямо: я привёл тебя сюда, потому что мои дни сочтены.

Он снял хирургическую шапочку. Всего несколько недель назад его волосы были густыми, а теперь на голове остались лишь редкие пряди, едва прикрывающие кожу.

— Сегодня ты видишь меня в последний раз. Не трать силы на поиски, эту комнату я оставляю тебе. Возможно, сейчас ты сопротивляешься, но однажды она тебе пригодится.

Фань Гомао говорил, словно оставляя завещание, но его тон был лёгким. Для человека, чьё сердце уже умерло, смерть, возможно, была освобождением.

— Твои дни сочтены?! — Бай Хаолинь вдруг вспомнил, что Цинь Сые говорила о плохом здоровье Фань Гомао, и понял, почему тот так легко согласился на его проверку и даже привлёк Лю Цзяцзе. Даже если бы Цинь Сые не наделала глупостей, он уже давно планировал уйти, чтобы уладить свои дела, и его «дела» включали Бай Хаолиня!

— Два года назад мне поставили диагноз — рак желудка. Сейчас метастазы распространились по всему телу. Врачи говорят, что мне осталось недолго. В последнее время я просто хочу жить спокойно. — Если бы Фань Гомао не отказался от лечения два года назад, современная медицина могла бы продлить его жизнь. — Когда я взял Гэ Вэйхуа в ученики, я надеялся, что кто-то продолжит моё дело справедливости, но я ошибался. Ты прав, даже если бы ты не вмешался, я бы сам его устранил. Я не позволю себе оставить после себя угрозу для общества! И, конечно, ты тоже! Если я узнаю, что ты творишь зло, я не пощажу тебя!

Бай Хаолинь молчал. Его чувства были сложны: с одной стороны, он сочувствовал Фань Гомао, с другой — хотя он не поддерживал его самосуд, он не мог спорить с умирающим.

Фань Гомао открыл полку и достал оттуда чёрный блокнот:

— Я записал в нём все свои медицинские знания и оставшиеся правила убийцы. Как бы ты ни вершил справедливость, возможно, однажды он тебе поможет.

— Я... — Бай Хаолинь начал говорить, но Фань Гомао взял заранее приготовленный шприц и сказал:

— Если он тебе действительно не нужен, ты можешь его выбросить, но убедись, что никогда не пожалеешь об этом.

Не дав Бай Хаолиню шанса отказаться, Фань Гомао мгновенно ввёл иглу в его руку.

Я не буду... — Мысль промелькнула в голове Бай Хаолиня, но он не успел произнести её вслух, как потерял сознание.